

Рецензируемая книга — первое в отечественной и зарубежной литературе фундаментальное исследование, рассматривающее историю кочевничества в Азии на всем протяжении его существования.

Монографию открывает краткое введение, за которым следует большая глава, посвященная причинам и путям возникновения кочевого скотоводства в Азии и ранним этапам его социально-экономической истории. В главах II—V исследуются проблемы истории хозяйства и социальных отношений у монголов, казахов, туркмен и арабов в средние века и в новое время. Автор был несомненно, прав, идя не по пути неизбежно поверхностного описания всех кочевников Азии, а сосредоточившись на детальном исследовании наиболее освещенных источниками народов, о которых к тому же в литературе велись наиболее острые дискуссии. Книга завершается очень важной в теоретическом отношении главой, в которой автор подводит итоги исследования и развивает свои взгляды по основным аспектам хозяйственной и социально-экономической истории кочевничества. Г. Е. Марков привлекает и тщательно исследует в монографии поистине огромный круг источников — археологические и этнографические материалы из различных районов степной и аридной зон Азии, включая весьма ценные собственные полевые материалы, письменные источники, обширнейшую литературу вопроса. Только таким комплексным подходом к исследованию и может решаться столь сложная и многогранная проблема всемирной истории, разработка которой вызывает незатихающие дискуссии как в зарубежной, так и в советской исторической науке. Труд Г. Е. Маркова не только подвел существенный итог разработке, но и значительно продвинул вперед марксистское изучение этой важной проблемы. Вместе с тем монография, как и всякая большая новаторская работа, содержит дискуссионные положения. Позволим себе из-за ограниченного объема рецензии остановиться главным образом на них.

В рецензируемой монографии значительное внимание уделено проблеме генезиса кочевого скотоводства. Автор совершенно прав, возражая против отнесения к кочевникам, как это еще нередко делается, только «чистых», очень подвижных скотоводов с большой амплитудой кочевания, отсутствием земледелия, полуседлых жилищ и т. д., так как ни один хозяйственный тип, в том числе и кочевничество, никогда не существовал в чистом виде. Нельзя не согласиться с Г. Е. Марковым, что кочевники следует считать всех тех, у кого основу существования составляет экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевов и что в кочевом хозяйстве могут быть выделены две разновидности — кочевое и полукочевое (стр. 9). Автор дает критический анализ основных точек зрения по проблеме генезиса кочевого скотоводства, останавливаясь на разборе взглядов Э. Гана, В. Шмидта, С. Н. Боголюбского, С. И. Руденко, М. П. Грязнова и др., подчеркивая вклад советских ученых в разработку этой проблемы. Рассматривая ее в целом, Г. Е. Марков приходит к выводу о развитии кочевничества на основе комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства среди племен «горно-степной бронзы», отмечая, что этот процесс был обусловлен многими причинами, среди которых одной из важнейших было развитие у этих племен разделения труда, социальных отношений и обмена. Становление кочевничества автор рассматривает как моногенетический процесс, развивавшийся на основе комплексного хозяйства у племен горно-степных областей под воздействием общих причин и закономерностей, что не исключает, как пишет Г. Е. Марков, вовлечения в него отдельных групп с иным хозяйственным типом (охотников и т. п.), причем разворачиваться этот процесс мог конвергентно в различных «критических зонах», т. е. полицентрически (стр. 30).

Развиваемая Г. Е. Марковым точка зрения является наиболее последовательной и логичной среди различных концепций, выводящих кочевое скотоводство из земледельческо-скотоводческого оседлого хозяйства. Вместе с тем и она не бесспорна. Г. Е. Марков, несомненно, прав, когда он пишет, что старая система хозяйства удерживается до тех пор, пока есть хотя бы малейшая возможность ее удерживать, что позднейшая история почти не знает примеров превращения оседлого населения, земледельцев в кочевников, основу существования которых составляло бы главным образом кочевое экстенсивное скотоводство; происходил только обратный процесс оседания кочевников на землю (стр. 30). Но возникает вопрос, имеются ли бесспорные доказательства самостоятельного перехода племен «горно-степной бронзы» с их оседлым и полуседлым (яйлажным) комплексным хозяйством к кочевому скотоводству? Существовавшие концепции исходят из того, что там, где обитали эти племена, позднее появились кочевники, причем в некоторых районах (например, в Казахстане) удается проследить определенную связь между «раннекочевыми» и предшествующими им «оседлыми» культурами эпохи бронзы, а следовательно предполагается, что такой переход имел место. Однако существует ряд факторов, которые не находят удовлетворительного объяснения в рамках указанной концепции. Так, почти на всех изученных территориях одного из основных очагов формирования кочевого скотоводства — в Центральной Азии и Южной Сибири — появление новых «раннекочевых» культур сопровождается существенными сдвигами в этническом составе населения. Обычно «раннекочевые» культуры связаны здесь в большей или меньшей мере с новым населением, проникшим на территории, где до этого жили оседлые племена эпохи бронзы. Не является в этом

отношении исключением и Казахстан, где в составе населения, переходившего к кочеванию, фиксируются новые иноэтнические компоненты, связанные с Центральной Азией. Многие особенности «раннекочевых» культур Центральной Азии и Южной Сибири нельзя объяснить лишь как результат формирования кочевого хозяйства у живших на этой территории племен эпохи бронзы.

Одному из авторов рецензии уже приходилось выступать с критикой концепции моногенетического пути происхождения кочевого скотоводства в степной зоне Евразии¹. По его мнению, одним из важных путей становления кочевого скотоводства был переход к нему некоторых подвижных племен охотников эпохи бронзы и раннего железа, обитавших по соседству с оседлыми скотоводами и земледельцами, у которых они вначале заимствовали domesticiрованных к этому времени транспортных животных — лошадей, верблюдов (в степной и аридной зоне), оленя (в горной тайге). Вскоре, по мере расселения и освоения ими новых территорий (в частности, по мере расселения из лесостепи в степь племен охотников-кочеводов), начинается в их среде процесс заимствования и других пригодных для подвижного быта домашних животных и приспособления к новой форме хозяйства — кочевому скотоводству. При этом следует заметить, что подвижным племенам охотников при переходе к кочевому скотоводству не приходилось существенно ломать сложившиеся формы быта, традиционную материальную культуру. Расселяясь, кочевые скотоводы либо вытесняли встречавшиеся им на пути оседлые племена, либо смешивались с ними, втягивая их в новые формы хозяйства и быта. Вовлекались в кочевое скотоводство и охотничьи племена, населявшие сопредельные со степью лесные районы. Процесс этот, начавшись в конце эпохи бронзы и охватив вскоре обширные районы Евразии, продолжался затем еще весьма длительное время. Так, если у хунну формирование кочевого скотоводства можно отнести к I тысячелетию до н. э., то значительная часть лесных, преимущественно охотничьих, племен монголов перешла к кочевому скотоводству, вероятно, лишь в конце I тысячелетия н. э., а охотничьи племена тунгусов в забайкальско-верхнеамурском регионе перешли в степи, заимствовав вначале лошадей, а затем освоив кочевое скотоводство, лишь в начале II тысячелетия н. э. Кочевое оленеводство, возникнув у подвижных охотничьих племен Саян, заимствовавших домашних оленей у своих оседлых соседей еще в I тысячелетии до н. э., распространилось весьма широко в Северной Евразии², однако этот процесс также был весьма длительным. Так, например, северные группы охотников-кочевников освоили оленеводство, по всей вероятности, лишь во второй половине II тысячелетия н. э.

Разумеется, окончательное решение сложнейшей проблемы происхождения кочевого скотоводства требует дальнейшего накопления фактических материалов.

Большой интерес представляют разделы рецензируемой работы, посвященные социально-экономическим отношениям у кочевников. На основе обобщения огромного фактического материала Г. Е. Марков делает, на наш взгляд, глубоко аргументированный вывод о несостоятельности концепции «кочевого феодализма» во всех ее вариантах. Он убедительно показывает, что нельзя говорить о социально-экономическом строе кочевников как о феодальном (с. 80—86, 141, 142, 174—190, 224—227, 234, 257—270, 273—276, 290—307). Однако эту, на наш взгляд, совершенно правильную точку зрения автор не во всем проводит последовательно до конца. Так, он, например, пишет о том, что Китай установил в Монголии «военно-феодальный порядок», в результате чего общественные отношения у монголов приобрели «феодальный облик» (с. 133).

Указывая, что в кочевых обществах, как правило, существовало рабство, автор в то же время показывает, что оно никогда не играло в них существенной роли (с. 67, 154, 203, 223, 303, 271). Общество кочевников никогда не было и не могло быть рабовладельческим.

Столь же убедительно автор показывает, что кочевое общество не может быть охарактеризовано как первобытнообщинное (с. 58, 68, 69, 252, 273 и др.). Большой фактический материал приведен им и в пользу положения о том, что у всех кочевых народов в течение почти всей их истории бытовали в сущности одни и те же социально-экономические отношения. Но какие же именно? Насколько можно понять из некоторых мест работы, автор склоняется к взгляду, что в основе общества кочевников лежали особые, только ему присущие производственные отношения (с. 234, 235, 270, 312). Однако характеристика этих отношений не является достаточно четкой.

В одном из мест книги Г. Е. Марков пишет о «специфическом военно-демократическом и патриархальном укладе», лежащем в основе кочевых обществ (с. 273). В другом месте «военная демократия» и «патриархальный уклад» выступают как два разных этапа эволюции социальной структуры кочевничества, причем указывается, что патриархальные отношения утверждаются лишь по мере «разложения кочевых империй, подчинения последних земледельческим государствам, постепенного появления и развития черт оседлости в хозяйстве...» (с. 307, 308). Последняя формулировка не только расходится с первой, но и не содержит никаких указаний на специфику отношений в кочевом обществе. Понятия «военной демократии» и «патриархального укла-

¹ См. С. И. Вайнштейн. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973 (доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук).

² См. С. И. Вайнштейн. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. «Сов. этнография», 1970, № 6; 1971, № 5.

да» в равной степени применяются в литературе и для характеристики оседлых земледельческих обществ.

Нельзя также не отметить, что термин «военная демократия» сам по себе характеризует лишь организацию власти, но не социально-экономический строй. Поэтому он не сопоставим с термином «патриархальный уклад». Но «военная демократия» как форма организации власти имеет определенную экономическую основу. И на нее указывает Г. Е. Марков, говоря, что «„военная демократия“ была эпохой, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов» (с. 308). В других местах монографии протекание процесса классообразования он рассматривает как явление, характерное не только для начальной, но для всех вообще стадий эволюции кочевничества (с. 304, 305). Казалось бы, из этого следует вывод, что всех кочевников нужно отнести к стадии перехода от доклассового общества к классовому. Но Г. Е. Марков не только не делает такого вывода, но, наоборот, подвергает критике подобного рода взгляд (с. 273). И в связи с этим нельзя не обратить внимания на тот факт, что, говоря о протекании классообразования у кочевников, автор в то же время ничего не говорит о том, какие же именно классы формировались, складывались в их обществе. И проблема не может быть снята указанием на то, что пока кочевники оставались кочевниками, процесс классообразования в принципе не мог быть у них завершен (с. 305). Ведь становление классов всегда есть формирование определенных классов. Эти неясности, на наш взгляд, не случайны. Они связаны с недостаточной разработанностью в нашей литературе теории становления класса и государства. Все авторы признают существование периода перехода от первобытного общества к классовому. Однако все социальные образования, относящиеся к этому периоду, обычно рассматриваются как формирующиеся классовые общества. Факты, приводимые в книге Г. Е. Маркова, свидетельствуют о том, что социальные образования кочевников в большинстве случаев не могут быть отнесены к числу формирующихся классовых обществ. Именно это обстоятельство и помешало автору отнести кочевые общества к периоду перехода от доклассового общества к классовому. Вместе с тем те же самые факты не позволили ему отнести их и к классовому обществу. Отсюда неизбежна и неопределенность в характеристике кочевого общества, и стремление выделить его в особый тип.

Однако общество, находящееся между доклассовым, с одной стороны, и классовым — с другой, гораздо сложнее и многообразнее, чем обычно думают. В этом обществе, которое лучше всего было бы назвать *предклассовым*, существовали различные социальные структуры. Одни из них действительно представляли собой формирующиеся классовые организмы, являющиеся одновременно и становящимися государствами. Но наряду с ними существовали и такие социальные системы, которые, уже не будучи доклассовыми обществами, в то же время не были и формирующимися классовыми организмами. В них протекал процесс не классообразования в точном смысле этого слова, а вызревания предпосылок классообразования, который выражался в развитии патроната, кабалы, рабства, в появлении имущественного и социального неравенства. Соответственно в этих обществах исчезали первобытные социально-экономические связи³. Такого рода общества зарубежные исследователи чаще всего называют «сегментарными», или «ацефальными». Больше всего их было описано в Африке. Одни из них базировались на земледелии, другие на скотоводстве. Основными хозяйственными ячейками в этих обществах были большие или малые семьи, являвшиеся единицами обособленной собственности. Эти хозяйственные ячейки существовали только в составе хозяйственных организмов — формирующихся соседских общин, которые представляли собой низшие звенья целой иерархии социальных объединений.

Именно к числу такого рода обществ по всем признакам должны быть, на наш взгляд, отнесены и кочевые народы Азии, пока они находились, выражаясь словами Г. Е. Маркова, в «общинно-кочевом» состоянии. Но кроме этого состояния автор выделяет и другое, которое он именует «военно-кочевым» (с. 311, 312). Характерным для последнего было возникновение кочевых империй. Г. Е. Марков характеризует их как временные эфемерные образования, во многом отличающиеся от государств оседло-земледельческих областей (с. 312). Кочевые империи действительно были эфемерными образованиями, однако по всей социально-экономической структуре они мало чем отличались от многих формирующихся государств земледельческих народов. И для тех, и для других обществ было характерно существование двух основных групп, из которых одна эксплуатировала другую. Первую группу составлял господствующий класс, в общем и целом совпадавший с государственным аппаратом, вторую — непосредственные производители материальных благ. Основой эксплуатации была верховная собственность первой группы на личность и имущество представителей второй. Г. Е. Марков приводит характеристику положения рядовых скотоводов, содержащуюся в книге Плано Карпини «История монголов»: «Император и вожди, — писал Карпини, — берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их распоряжаются они во всем, как им будет угодно» (с. 92). Автор не оспаривает справедливости этого утверждения, он лишь утверждает, что «подобный произвол не составлял

³ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — «Становление классов и государства». М., 1976, с. 84—86.

определенной социально-экономической системы» (с. 92). В действительности же мы имеем дело с определенной социально-экономической системой, причем имевшей самое широкое распространение. И совсем не случайно все то, что сказано Г. Е. Марковым о социальной структуре монгольской империи (с. 87—92, 95 и др.), во многом совпадает, например, с описанием общественных отношений в формирующемся классовом обществе земледельческой Буганды⁴. Быстрое превращение «ацефальных» обществ в формирующиеся классовые (протоклассовые), а затем и в раннеклассовые характерно не только для кочевых, но и земледельческих народов. Так, например, буквально за несколько десятков лет «ацефальное» общество галла Эфиопии превратилось в протоклассовое, а затем и раннеклассовое⁵.

Как показывает Г. Е. Марков, возможен был переход не только из «общинно-кочевое» состояния в «военно-кочевое», но и из последнего снова в первое (с. 313). Аналогичное явление наблюдалось и у земледельческих народов. У них зафиксирован случай превращения не только «ацефальных» обществ в протоклассовые, но и протоклассовых в «ацефальные». Но нельзя не отметить, что по крайней мере в ряде случаев и после распада кочевых империй характерные для них социально-экономические отношения долгое время продолжали в какой-то степени сохраняться. Это особенно наглядно видно на примере монголов, у которых эти отношения, не исчезнув полностью после крушения империи, получили вновь развитие после завоевания их Китаем (см. стр. 9, 297, 122—130). Все приведенные выше данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что не существует никаких особых социально-экономических отношений, присущих исключительно кочевникам. В их обществе существовали те же самые производственные отношения, что и в обществе земледельцев, находившихся на стадиях предклассового и отчасти раннеклассового обществ.

Все наши замечания, вполне понятно, не меняют общей весьма высокой оценки этого фундаментального труда. Книга Г. Е. Маркова, как отмечалось выше, во многом носит дискуссионный характер. И в этой дискуссионности, в свежем и оригинальном подходе к огромному материалу, которым располагает наука о кочевниках, на наш взгляд, главное достоинство рецензируемой монографии. Она заставляет по-новому поставить казалось бы давно уже решенные вопросы, будит мысль, требует дальнейших теоретических изысканий в этой области. Очень важны крупные теоретические выводы, сделанные в книге. Безусловно ценен тот огромный фактический материал, который тщательно собран, скрупулезно проанализирован и творчески обобщен автором. Книга Г. Е. Маркова, несомненно представляет собой существенный вклад в советское и мировое кочевниковедение и, шире, в советскую и мировую этнографическую и историческую науки. И очень жаль, что столь ценная работа издана мизерным тиражом.

С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов

⁴ См. Э. С. Годинер. Становление государства в Буганде.— «Становление классов и государства».

⁵ См. H. S. Lewis. A Galla monarchy. Jimma Abba Jifar, Ethiopia, 1830—1932. Madison and Milwaukee, 1965.

НАРОДЫ СССР

В. И. Козлов. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М., 1975, 264 с.

Острая нужда в работе, подобной рецензируемой, давно ощущается многими специалистами, изучающими население СССР: экономистами и демографами, географами и историками, этнографами и плановиками.

Несомненно, что в последние два десятилетия в изучении населения страны достигнуты существенные успехи. Однако подавляющее большинство исследований четко делится по «ведомствам»: одни, скажем, географические (и только географические!), другие — сугубо демографические, третьи — исключительно этнографические и т. д. Обычно ощущается весьма слабое знакомство авторов со смежными научными дисциплинами.

Между тем в жизни экономические, демографические, географические, этнические и многие другие процессы столь тесно между собой связаны, что изучение одних без связи с другими заведомо не может дать полноценных результатов, а иной раз приводит и к крупным ошибкам. Автору этой рецензии — специалисту по миграции населения — хорошо известна бесплодность изучения миграции населения (процесса демографического) без учета этнических характеристик населения и этнических процессов.